

Теория и история культуры
Theory and history of culture

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-74-9-21>

УДК 130.2

ББК 74.1

Научная статья/Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2024 г. Н.Н. Губанов
г. Москва, Россия

ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ЭТЮД
ОБ ИНТЕЛЛЕКТУАЛАХ

Аннотация: В качестве постановки проблемы в статье отмечается, что появление и последующее институциональное становление в России такого нового исследовательского направления как «интеллектуальная история» делает необходимым создание завершенной когерентной концепции интеллектуальной деятельности, которая бы давала четкие ответы на следующие вопросы: Кто такие интеллектуалы? Благодаря чему и как они объединяются в особые коллективные единства? Каковы основные социологические и культурологические характеристики интеллектуальных сообществ? Анализируется определение интеллектуалов, данное признанным специалистом по интеллектуальной истории Р. Коллинзом, и выявляются направления, по которым оно нуждается в дальнейшем уточнении и развитии. Указанные выше задачи решаются автором в предлагаемой им к рассмотрению модели формирования интеллектуальных сообществ посредством участия их членов в систематическом и организованном производстве нового рационального знания. Тремя концептуальными основами развиваемого в статье подхода служат: теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса; теория интеллектуальных сетей и интерактивных ритуалов Р. Коллинза; разработанная в предыдущих работах автора процедурная теория рациональности. В завершающей части статьи интеллектуалы как особая социальная группа охарактеризованы с точки зрения социологического канона, представленного П.А. Сорокиным в его «Системе социологии». Группировка интеллектуалов является элементарной, отличной от других элементарных группировок, таких как профессиональная, государственная и т. д., не сводимой к ним и способной к кумуляции с ними в сложные социальные единства.

Ключевые слова: интеллектуалы, интеллектуальная история, рациональное знание, процедурная теория рациональности, широко понимаемый принцип достаточного основания.

Информация об авторе: Николай Николаевич Губанов — доктор философских наук, доцент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Ленинградский просп., д. 49, 125993 г. Москва, Россия. Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана, 2-я Бауманская ул., д. 5/1, 105 005, г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6044-3936>

E-mail: gubanovnn@mail.ru

Дата поступления статьи: 21.02.2024

Дата одобрения рецензентами: 01.06.2024

Дата публикации: 29.12.2024

Для цитирования: Губанов Н.Н. Философско-культурологический этюд об интеллектуалах // Вестник славянских культур. 2024. Т. 74. С. 9–21.

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-74-9-21>

Весьма интересным и перспективным исследовательским направлением, относительно недавно появившемся в России, является так называемая интеллектуальная история. Г.И. Зверева констатирует:

Институциональное становление интеллектуальной истории в России на рубеже 1990-х и 2000 гг. связано с организацией нескольких научных и научно-образовательных центров, которые в короткое время сумели создать или аккумулировать вокруг себя профессиональные сообщества и группы, развить систему специализированных журналов и коммуникаций, вывести научно-исследовательскую работу в университетскую среду <...> в настоящее время интеллектуальная история в России уже уверенно заявляет о себе как междисциплинарная область гуманитарных исследований, набор образовательных программ и учебных дисциплин [6, с. 290].

Соглашаясь с приведенными выводами и высоко оценивая значительные прикладные результаты, полученные отечественной наукой в области изучения интеллектуальной истории, все же хотелось бы отметить один общий существенный теоретический недостаток этих исследований. Отсутствует сколько-нибудь ясный и концептуально разработанный ответ на простой вопрос: а кто, собственно, такие интеллектуалы? Как возникают, чем конституируются и какими основными социологическими и культурологическими характеристиками обладают интеллектуальные сообщества как специфические коллективные единства? Для эффективной теоретической репрезентации интеллектуальной группировки в научном дискурсе требуется завершенная когерентная концепция интеллектуальной деятельности. В данной статье предпринимается попытка создания и изложения такой концепции.

Перед тем как приступить к непосредственному научному рассмотрению обозначенной проблемы, выясним, что выдает первая ссылка популярного поисковика Google по данному запросу, чтобы понимать, какая примерно позиция в первую очередь формирует мнение широкой публики. Итак, запрос «интеллектуальная история» сразу же направляет нас на страничку Wikipedia, где написано:

Интеллектуальная история — история интеллектуалов, то есть история людей, которые создавали, обсуждали и пропагандировали различные идеи. В отличие от чистой истории философии (соответственно: науки, литературы и т. д.) и от истории идей, с которыми она тесно связана, интеллектуальная история изучает идеи через культуру, биографию и социокультурное окружение их носителей¹.

¹ Интеллектуальная история // Википедия — свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D0%BD%D1%82%D0%B5%D0%BB%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%82%D1%83%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F (дата обращения: 30.10.2024).

Если со вторым высказыванием данной цитаты согласиться в принципе можно, то определение интеллектуалов, конечно же, с научной точки зрения следует признать непригодным. По той простой причине, что не существует какой-либо совокупности взаимодействующих людей, которые бы совершенно не создавали, не обсуждали и не пропагандировали хоть какие-то идеи. Как метко заметил П.А. Сорокин:

Человек нуждается в человеке для обмена мыслями, чувствами, волеями. Он импульсивно стремится «поделиться своими переживаниями» с другим. Идея — как бы примитивна она ни была, — повелительно толкает человека сообщить ее сочеловеку [10, т. 1, с. 382].

В качестве отправной точки нашего исследования возьмем определение, сформулированное признанным специалистом по интеллектуальной истории Р. Коллинзом:

Интеллектуалы — это люди, которые производят деконтекстуализированные идеи. Предполагается, что эти идеи верны или значительны вне каких-либо местных условий, какой-либо локальности и вне зависимости от того, применит ли их кто-либо на практике. Математическая формула претендует на то, чтобы быть верной в себе, и сама по себе, вне зависимости от того, используется она или нет и доверяет ли ей кто-либо или нет. Литературная или историческая работа претендует на такой же статус, поскольку она понимается как искусство или ученость: часть царства, более высокого, более достоверного, менее ограниченного конкретными возможностями человеческих действий, чем обычные виды мыслей и вещей [8, с. 65].

В данном определении воплощена, на наш взгляд, важная интуиция относительно обсуждаемого вопроса о социально-философском статусе такого коллективного единства как интеллектуалы. Правда, вырванная из контекста всей впечатляющей работы Коллинза, эта дефиниция также вызывает немало вопросов. Например, что означает фраза «деконтекстуализированные идеи»? А бывают ли вообще идеи, деконтекстуализированные на все 100%? Коллинз приводит пример математической формулы, но, строго говоря, математические соотношения также привязаны к определенным контекстам, например, одно дело евклидова геометрия, другое — неевклидовы геометрии; то же — в физике: одна формула для выражения какой-либо величины в классической ньютоновской физике и другая — в теории относительности или квантовой механике. Некогда Аристотель назвал открытый им закон противоречия «самым достоверным из всех начал, свободным от всякой предположительности» (цит. по: [7, с. 160]). Однако, он уже выражал некоторое сомнение в универсальности другого открытого им закона — закона исключенного третьего. В XX в. этот закон подвергся жесткой критике со стороны голландского математика Л. Брауэра, который считал, что логические законы не являются абсолютными истинами, а зависят от того, к чему они прилагаются [7]. Сейчас существуют логические (например, интуиционистская логика) и математические (например, конструктивная математика) системы, в которых закон исключенного третьего не принимается. Также современная наука умудрилась построить такие нетривиальные логические системы, в которых не соблюдается «самый достоверный из всех начал» — закон противоречия, например, многозначная логика Яна Лукасевича или Стивена Клини [7]. Конечно, ученые до сих пор спорят, что именно говорят такие «искусственные» системы (если вообще говорят что-либо) о мире или принципах нашего мышления, но это уже иная проблема. Раз полностью деконтекстуализированных идей скорее всего не существует, то возникает другой вопрос: насколько обширным, всеохватывающим, подтвержденным должен быть контекст, чтобы значимость в его пределах делала идею «интеллектуальной» и отличала бы ее от «обычных мыс-

лей»? Чем это определяется и как достигается? Пока не ясно. Следовательно, как рассматриваемое определение Коллинза, так и в целом его подход к выделению интеллектуалов в качестве особого социального единства, нуждаются в уточнении и развитии.

Мы предполагаем, что в качестве фактора, конституирующего интеллектуальные сообщества, выступает социально-конструктивистский механизм, названный нами *широко понимаемым принципом достаточного основания* [3]. Он был получен нами в ходе экспликации когнитивно-коммуникативных предпосылок, делающих возможной долгосрочную рациональную дискуссию, направленную на поиск истинности или нормативной правильности и проводимую посредством приведения оснований. Данный принцип задает общую схему аргументативной игры, в которую вступают акторы, искренне заинтересованные в коллективном поиске наилучшим образом обоснованных утверждений, фундированных максимально доступным им в данной ситуации совокупным общечеловеческим опытом. Этот принцип покоится на всеобщих прагматических предпосылках, неявно или явно принимаемых и разделяемых всеми, кто вступает в дискуссию с искренней целью достижения истины или нормативной правильности, и в этом трансцендентально-прагматическом качестве такой принцип является важнейшим внутренним движущим мотивом рациональной дискуссии, побуждающим коммуницирующих субъектов на:

1) напряженный поиск наилучших аргументов в пользу тех или иных утверждений, которые они признают правильными и *свободно* вводят в дискуссию; эта работа проводится каждым актором на основе всего его совокупного опыта и всей имеющейся в его распоряжении информации; 2) вступление в аргументативную игру с другими индивидами, имеющими свои аргументы по поводу этих утверждений; под действием взаимной критики участники дискуссии могут модифицировать свои утверждения и аргументы и брать тайм-ауты с целью поиска дополнительных свидетельств; 3) оценку и сравнение силы всех выдвинутых положений (оценка аргументов, оценка степени подтверждения утверждений аргументами, оценка утверждений в свете релевантных аргументов) в ходе коллективного открытого обсуждения, к которому допускаются все компетентные и заинтересованные в данной области субъекты; 4) принятие коллективного решения по поводу того, какие из обсуждаемых утверждений и в каких формулировках будут приняты, а какие — отклонены; такое принятие означает признание социальной значимости знания, консенсус по поводу принимаемых положений — критерий их социальной значимости; 5) органичное включение принятых утверждений в наличный фонд знания с возможной корректировкой как новых, так и принятых ранее компонентов знания, чтобы новые утверждения вписались когерентным образом в имеющуюся систему знания (иногда принятие новых утверждений вызывает коренную перестройку последней) [4].

Знание, систематически получаемое посредством такой долгосрочной циклической самокорректирующейся процедуры, мы предлагаем называть рациональным (отсюда — *процедурная концепция рациональности*). Представленную выше пятикомпонентную схему мы именуем *широко понимаемым принципом достаточного основания*. «Широко понимаемый» — чтобы читатель ошибочно не подумал, что подразумевается какой-то конкретный закон формальной логики. «Принцип достаточного основания» — ибо, на наш взгляд, в сообществе разумных существ, искренне стремящихся достичь истины или нормативной правильности, в данное время нет и не может быть другого достаточного основания для принятия или отвержения какого-либо тезиса. В системе аргументов участников дискуссии заключены все известные им релевантные эмпири-

ческие, логические, апеллирующие к эвристичности, простоте, красоте, надежному методу получения, здравому смыслу, хорошо проверенной временем традиции и все иные возможные свидетельства в пользу рассматриваемого тезиса [4]. Следует отметить, что приведенная схема является, с одной стороны, идеальным типом, репрезентирующим смысл рациональной дискуссии как таковой, а с другой стороны, в силу своей трансцендентально-прагматической природы — аттрактором, к которому стремятся реальные эмпирические системы взаимодействия между компетентными субъектами, заинтересованными в достижении действенных утверждений. Степень соответствия реальных долговременных дискуссий этой схеме определяет степень рациональности получаемого в ходе них знания. Те социальные системы, взаимодействия в которых определяет данный аттрактор, стремятся соответствовать данному шаблону, начинают воспроизводить этот паттерн в течение достаточно продолжительного времени — являются интеллектуальными системами, а составляющие их субъекты могут быть названы интеллектуалами. Итак, интеллектуалы — это лица, участвующие в систематическом производстве рационального знания.

Покажем, с какими другими теоретическими изысканиями наш подход имеет важные концептуальные точки сопряжения. Хорошо коррелирует с ним вывод, к которому пришли С. Паавола, Л. Липпонен и К. Хаккарайнен в результате анализа основных моделей инновационных сообществ знаний:

Создание знаний часто требует длительного времени и не может быть правильно описано традиционными рассказами о героических личностях, совершающих гениальные открытия во внезапно наступившие моменты озарения <...> Во всех моделях создание знаний — это в основном социальный процесс. Понимание рассматривается как итеративное по своей природе; то есть оно возникает в результате серии попыток объяснить и понять исследуемые явления. В процессе совместного решения проблем агенты, обладающие частичной, но различной информацией о рассматриваемой проблеме, улучшают свое понимание коллективно посредством социального взаимодействия. Соответственно, новые идеи и инновации возникают между людьми, а не внутри них <...> инновации или интеллект возникают благодаря системным особенностям всего сообщества или организации. Создание знаний не является делом творческих личностей, а требует фундаментальной реорганизации практики всего сообщества. Эпистемологические процессы требуют поддержки социальных процессов, и наоборот [12, с. 563–564].

Похожие идеи высказывает Р. Коллинз:

Мыслители не предшествуют общению, но сам коммуникативный процесс создает мыслителей в качестве своих узлов <...> Экономические и политические макроструктуры не объясняют многое в абстрактных идеях, поскольку такие идеи существуют только там, где имеется сеть интеллектуалов, сосредоточенных на своих собственных аргументах и накапливающих свой собственный понятийный багаж [8, с. 47].

Близкие взгляды принадлежат и С.А. Лебедеву, отстаивающему консенсуально-экспертный характер научной истины. В основе его подхода лежит конструктивно-репрезентативная теория процесса научного познания, согласно которой подлинным субъектом научного познания является «не отдельный ученый, а дисциплинарное научное сообщество», где все научные дискуссии в конечном итоге заканчиваются «достижением некоторого устойчивого состояния, либо оправданием, либо отторжением (частичным или полным) предложенных изменений в системе научного знания. И то, и другое достигается и фиксируется посредством определенного консенсуса среди чле-

нов дисциплинарного научного сообщества, выработка которого занимает часто весьма продолжительное время» [9, с. 85]. Так, достижение консенсуса в ходе когнитивного переговора ученых в отношении приятия истинности гелиоцентрической модели Солнечной системы потребовало около 200 лет, неевклидовой геометрии — около 50 лет, квантовой механики — около 25 лет, частной теории относительности — около 15 лет [9].

Во многом наша процедурная концепция рациональности вдохновлена теорией коммуникативного действия Ю. Хабермаса:

Коммуникативными я называю такие интеракции, в которых их участники согласуют и координируют планы своих действий; при этом достигнутое в том или ином случае согласие измеряется intersубъективным признанием притязаний на значимость [11, с. 91].

Участвуя в процессах взаимопонимания, акторы своими речевыми действиями выдвигают различные притязания на значимость, среди которых два — на истинность и нормативную правильность — могут быть разрешены дискурсивным образом, т. е. посредством приведения оснований. В теоретическом дискурсе выходят на передний план дескриптивные (описательные, констативные, ассерторические) предложения, они выражают притязания на истинность и говорят о фактах. В практическом дискурсе на переднем плане находятся нормативные (прескриптивные, регулятивные) предложения, выражающие притязания на нормативную правильность и говорящие о нормах (являются ли нормы правильными в моральном плане) [1]. Разрабатывая этику дискурса, Ю. Хабермас так ставит перед собой задачу:

В теоретическом дискурсе пропасть между единичными наблюдениями и всеобщими гипотезами преодолевается благодаря следованию разнообразным канонам индукции. В практическом дискурсе требуется соответствующий связующий принцип. Поэтому все исследования в области логики моральной аргументации немедленно приводят к необходимости введения некоего морального принципа, который в качестве правила аргументации будет играть такую же роль, что и индуктивный принцип в дискурсе опытных наук [11, с. 100].

Эту задачу Хабермас решает, сформулировав *принцип универсализации U*:

Всякая действенная норма должна удовлетворять тому условию:

— чтобы те прямые и побочные действия, которые так или иначе вытекают из всеобщего следования ей в отношении удовлетворения интересов (предположительно) каждого отдельного лица, могли быть приняты всеми, кого они касаются (и оказались бы для них предпочтительнее результатов других известных им возможностей урегулирования) [11, с. 104].

Далее принцип *U* получает трансцендентально-прагматическое обоснование, в котором Хабермас использует в несколько модифицированной форме идеи своего учителя К.-О. Апеля [11].

Наш широко понимаемый принцип достаточного основания, как нам кажется, является возведением подхода Хабермаса на более высокий уровень абстракции и рефлексии, он более фундаментален и историчен, чем принцип *U*, который служит конкретизацией нашего принципа в сфере практического дискурса, локализованной в области 4-го компонента нашей схемы. Наш принцип задает правила как теоретического, так и практического дискурса, причем достаточно развернуто репрезентирует содержание основных необходимых, интуитивно понимаемых этапов рациональной дискуссии;

по крайней мере более развернуто по сравнению со ссылкой Хабермаса при характеристике теоретического дискурса на «следование разнообразным канонам индукции». Таким образом, рациональное знание мы определяем на основе соответствия его получения сформулированному нами принципу достаточного основания, а интеллектуалов мы предлагаем определять как людей, участвующих в систематическом производстве рационального знания.

К какому же типу коллективного единства относится группировка интеллектуалов? П. Сорокин дает следующее определение:

Под элементарным или простым коллективным единством я понимаю реальную, а не мнимую совокупность лиц, объединенных в одно взаимодействующее целое каким-либо одним признаком, достаточно ясным и определенным, не сводимым на другие признаки [10, т. 2, с. 65].

Согласно нашему подходу, в случае с интеллектуалами таким признаком является их систематическое участие в производстве рационального знания. Членами единого взаимодействующего целого их делает включенность в социальную сеть, обладающую системными свойствами, дающими возможность получать в ее пределах знание в соответствии с широко понимаемым принципом достаточного основания. Интеллектуалы могут выполнять разные функции в рамках системного целого: одни могут бескомпромиссно спорить, редко соглашаясь со своими оппонентами и бесконечно изобретать новые гипотезы *ad hoc* в пользу своей позиции; другие могут проявить склонность к синтезу, компромиссу и обобщениям; третьи могут сосредоточить свои усилия на организационной части, обеспечивая встречи, подведение итогов, публикацию результатов и т. д. Интеллектуалы могут отличаться по формам и периодичности выдачи своего основного интеллектуального продукта. Например, одни могут время от времени печататься в газетах, журналах, выкладывать сообщения в Интернете; другие могут часто выступать устно на собраниях; третьи могут выдавать по фундаментальному трактату раз в десять лет и т. д. Также интеллектуалы могут отличаться по своим личностным качествам: одни могут быть нелюдимыми и замкнутыми, как Гераклит, редко появляться на людях, сидеть на месте и действовать через печать, учеников и т. д.; другие — все время «светиться» на публике, везде разъезжать, выступать, постоянно расширяя свои личные контакты. Следует признать, что наличие обширного ролевого репертуара делает сообщество интеллектуалов более гибким, эффективным, сложным. Интеллектуалы могут разительно отличаться друг от друга по своему амплуа, но, тем не менее, членами единого сообщества их делает то, что все они в принципе знакомы с основными проблемами, последними достижениями, аргументами, существующими в их сфере, и принимают к сведению (учитывают) это все при своей деятельности, регулярно так или иначе взаимодействуя между собой [5].

Сделаем еще одно важное замечание. Описанная нами модель производства рационального знания воспроизводится в интеллектуальной деятельности одновременно на двух основных уровнях: на социальном уровне, безусловно первичном, где идут реальные споры между людьми, но также затем и на индивидуальном уровне «внутренних дискуссий» отдельного интеллектуала, разворачивающихся внутри его сознания. Т. е., даже оставшись в одиночестве в своем мышлении, интеллектуал воспроизводит в общих чертах данную модель — это важнейшая черта интеллектуальной ментальности. Например, начиная написание научной статьи, автор мучительно подбирает все возможные аргументы за или против тех или иных позиций в проблеме,

которой посвящена его статья, опираясь на все свои знания в этой области. Затем перед ним вырисовывается первичное решение проблемы. Развивая его в своей статье далее, изучая новые материалы по данной теме, приобретая этим новые аргументы, он его постоянно корректирует, возвращаясь к ранее написанному и что-то в нем переосмысливая. Имея некое общее представление, о чем он будет писать ниже в своей статье, в каждый момент времени он еще до конца не знает, какова будет в точности его концепция к концу написания статьи. И вот статья написана! Затем она поступает в редакцию какого-либо журнала и таким образом переходит на первичный социальный уровень интеллектуальной обработки. Если опытные интеллектуалы, коими являются редактора и рецензенты, опираясь на известные им системы аргументов, возможно, сделав ряд замечаний, собственных правок, примут на редсовете решение о том, что статья достойна публикации — она выйдет на еще более высокий уровень интеллектуальной экспертизы — станет достоянием аудитории этого журнала. Ну и если высказанные в статье идеи заинтересуют читателей журнала, то они инкорпорируют эти идеи в свои системы аргументов, будут использовать их в своем мышлении для «внутренних дискуссий», а затем — цитировать в других журналах, что-то критикуя, а что-то принимая — это будет еще более высокий уровень интеллектуальной обработки данной концепции. И наконец, если эта статья будет переведена на другие языки или ее положения процитированы в иностранных журналах, то данная концепция может приобрести мировую значимость. Итак, производство рационального знания имеет *фрактальную природу* и сразу разворачивается на многих уровнях — и на индивидуальном, и на различных, постепенно расширяющихся социальных уровнях, но на каждом уровне подчиняется описанному нами паттерну.

Интеллектуальные коллективы возникают в тех областях человеческой деятельности, где, во-первых, накапливается достаточно разнообразных сведений и для дальнейшего успешного развития появляется настоятельная необходимость обрабатывать, упорядочивать, систематизировать эти сведения в рамках неких объединяющих теорий, а, во-вторых, складываются социальные условия для такой синтетической работы. Другими словами, интеллектуальные группы возникают там, где на регулярной основе начинается производиться рациональное знание. Приведем примеры интеллектуальных сообществ.

Все действующие, выдающие результат, научные сообщества являются интеллектуальными коллективами. Конечно, не все поголовно, кто числится научными сотрудниками, являются интеллектуалами. Например, если какой-нибудь пожилой авторитетный академик просто числится для солидности, но реально уже никакой научной работы не делает, а только важно «надувает щеки» на собраниях, произнося тосты, то, к сожалению, он выпал из интеллектуальной сети, какие бы достижения у него не были в прошлом. Или сотрудник лаборатории, основная функция которого протирать мензурки спиртом, тоже не может автоматически считаться интеллектуалом, какие бы отличные научные результаты ни выдавала лаборатория.

Одними из первых и самых типичных интеллектуальных сообществ были философские школы Античности, сформировавшиеся из людей, занятых регулярным построением теоретически-рациональной формы мировоззрения. По своему социальному статусу, способу добывания средств к существованию и т. д. они могли быть кем угодно, сравнить Диогена-Собаку, софистов, Платона, Марка Аврелия. Их объединяла не профессия, класс или статус, а участие в общей деятельности и владение общей проблематикой. Интеллектуальное сообщество философов создало резервуар идей,

из которого возникшие впоследствии сети ученых актуализировали некоторые пригодные им смыслы [2]. Другой пример: в Позднюю Античность и Средние века в Европе массово рождались различные религиозные интеллектуальные группировки, которые в виде многочисленных течений, направлений, сект ожесточенно спорили между собой, а в своей взаимодействующей совокупности породили в результате единое христианское интеллектуальное сообщество, которое даже изобрело такую форму «приведения своих положений к общему знаменателю» как Вселенские соборы. Еще примеры интеллектуальных сообществ меньшего масштаба — кружок Мерсенна и французские Энциклопедисты эпохи Просвещения. Эти сообщества складывались на стыке многих областей, таких как наука, религия, философия, искусство, ремесла.

В области политики и права складываются многочисленные иерархизированные интеллектуальные сообщества, в которые могут входить, скажем, профессиональные юристы, различного рода эксперты, депутаты, сенаторы, чиновники разного уровня, представители высшего руководства страны и т. д. Члены таких сообществ также регулярно встречаются, выступают, спорят, приходят к каким-то предварительным итогам, публикуют их в своих программных документах, затем, при обнаружении новых обстоятельств, вносят правки в эти программные документы и т. д. В своей совокупности все эти интеллектуальные сообщества непрерывно разрабатывают свой главный интеллектуальный продукт, который обобщенно может быть назван «Свод законов государства». Как и в случае с научными интеллектуальными коллективами, не все, кто числится на соответствующих должностях, могут быть названы интеллектуалами, а только те, кто реально участвует в производстве нового рационального знания. Например, царь, который только номинально сидит на троне, или некомпетентный депутат, который спит на заседаниях и не предлагает никаких продуктивных идей, не являются интеллектуалами. Также не является интеллектуалом практикующий юрист, не входящий в интеллектуальную сеть, создающую на регулярной основе новые знания, а только применяющий уже имеющиеся знания к частным случаям.

Интеллектуальные сообщества складываются также в области бизнеса и финансов, например, советы директоров крупных компаний. Они также встречаются, спорят, приглашают, когда требуется, различных экспертов, заказывают институтам и агентствам разные исследования, но в конечном итоге именно они на основе всей получаемой информации непрерывно разрабатывают свой интеллектуальный продукт, который можно назвать модным в наше время термином «Философия компании». Они изобретают новые потребительские стоимости, бизнес-стратегии, модели управления персоналом, способы коммуникации, финансовые инструменты и т. д.

Конечно же, часто формируются интеллектуальные сообщества в области искусства. Критики, искусствоведы, сами представители различных искусств могут объединиться вокруг какого-нибудь общего для них интеллектуального проекта. Примером может служить футуризм, сложившийся вокруг Маяковского и Хлебникова. Они проводили встречи, читали лекции, писали статьи, подписали футуристические манифесты в альманахах «Пощечина общественному вкусу» (1912) и т. д. [13]. Приведенных примеров интеллектуальных сообществ, думаем, достаточно, но какого же рода элементарной социальной группой является группа интеллектуалов и действительно ли она элементарна?

П. Сорокин выделил следующие основные элементарные группы, на которые расслаивается современное население культурных стран: 1) расовая, 2) половая, 3) возрастная, 4) по семейной принадлежности, 5) по государственной принадлежности, 6) языковая, 7) профессиональная, 8) имущественная, 9) объемно-правовая, 10) терри-

ториальная, 11) религиозная, 12) партийная, 13) психо-идеологические [10, т. 2, с. 88]. Группировка интеллектуалов, как мы ее понимаем, относится в этой классификации к последней категории. Сорокин так характеризует психо-идеологическую группировку:

Сходство лиц в интеллектуальном отношении (в объеме и качестве знаний и верований), в чувственно-эмоциональном и в волевом делает их солидарными друг с другом и вызывает единство действия, сходные акции и реакции с их стороны <...> Примерами таких коллективов могут служить прежде всего научные и наукообразные общества <...> научные общества физиков, химиков, ботаников <...> всевозможные кружки для самообразования, школы и университеты, академии и научные институты, лиги знания и популяризации последнего <...> ассоциации позитивистов и мистиков, рационалистов и интуитивистов, марксистов и идеалистов. Легко видеть их отличие от предыдущих крупных группировок. Они не сливаются с ними и не покрываются ими [10, т. 2, с. 276–277].

Сорокин, по понятным историческим причинам, не узрел среди множества психо-идеологических групп самую важную — группировку интеллектуалов, которая формируется из людей, регулярно обменивающихся эмоционально заряженными символами, объединяющихся в особые сети, производящие на систематической основе рациональное знание. Группировка интеллектуалов является элементарной, так как не может быть получена кумуляцией никаких других элементарных групп, но, в свою очередь, может вступать в кумуляции с остальными простыми группами: двойные (скажем, интеллектуально + профессиональные, например, интеллектуалы-юристы); тройные (скажем, интеллектуально + профессионально + государственные, например, интеллектуалы-депутаты-россияне) и т. д. По-видимому, наибольшим «социологическим сродством» группировка интеллектуалов обладает с профессиональной, легче всего с ней кумулируется, потому что некоторые профессии просто обязывают быть интеллектуалом, например, профессии научного сотрудника, преподавателя вуза (вузы даже рассматривают публикационную активность как критерий приема на работу), депутата. Также легко и естественно она кумулируется с группировками: языковой, государственной, территориальной.

Социальная группировка интеллектуалов является одной из самых сильных в плане влияния на историю человечества. Хотя она и не так распространена и многочисленна, как семейная или расовая, или языковая группировки (любой человек Земли входит в эти группы), однако, интеллектуальные сообщества всегда организованы и слажены, и именно они продуцируют инновации во всех сферах нашей жизни, обеспечивая общее прогрессивное развитие культуры.

Список литературы

Исследования

- 1 Губанов Н.И., Губанов Н.Н. Проблема практического дискурса: обоснование моральных норм // Вестник славянских культур. 2021. Т. 62. С. 129–142. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-62-129-142>
- 2 Губанов Н.Н., Губанов Н.И. История научных идей сквозь призму идей философских // Диалог со временем. 2021. № 76. С. 5–19. <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.76.76.026>
- 3 Губанов Н.Н., Губанов Н.И. Модель вызова Аполлона как средство изучения интеллектуальной истории // Диалог со временем. 2022. № 81. С. 49–66.

- 4 Губанов Н.Н., Губанов Н.И. Образование как несущая структура общества знания // *Alma Mater (Вестник высшей школы)*. 2022. № 10. С. 30–38. <https://doi.org/10.20339/AM.10-22.030>
- 5 Губанов Н.Н. Лекция как средство трансляции культурного капитала и воспроизводства интеллектуальной элиты // *Вестник славянских культур*. 2023. Т. 69. С. 24–36. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-69-24-36>
- 6 Зверева Г.И. Интеллектуальная история в современной России: институты и направления // *Преподаватель XXI век*. 2018. № 4-2. С. 288–302.
- 7 Ивин А.А. Теория аргументации. М: Гардарики, 2000. 416 с.
- 8 Коллинз Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения / пер. с англ. Н.С. Розова, Ю.Б. Вертгейм. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. 1280 с.
- 9 Лебедев С.А. Философия и методология науки: актуальные проблемы. М.: Изд-во Московского ун-та, 2024. 575 с.
- 10 Сорокин П.А. Система социологии. М.: Наука, 1993. Т. 1. Социальная аналитика: Учение о строении простейшего (родового) социального явления. 447 с. Т. 2. Социальная аналитика: Учение о строении сложных социальных агрегатов. 688 с.
- 11 Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / пер. с нем. Д.В. Складнева. СПб.: Наука, 2001. 382 с.
- 12 Raavola S., Lipponen L., Hakkarainen K. Models of Innovative Knowledge Communities // *Review of Educational Research*. 2004. Vol. 74, №. 4. P. 557–576.

Источники

- 13 Урбан А. Мечтатель и трибун // *Хлебникова поле — исторически первый хлебниковский сайт*. URL: <https://www.ka2.ru/nauka/urban.html> (дата обращения: 20.02.2024).

© 2024. Nikolay N. Gubanov
Moscow, Russia

PHILOSOPHICAL AND CULTURAL STUDY ON INTELLECTUALS

Abstract: To formulate the problem the paper points out that the emergence and subsequent institutional formation in Russia of such a new research direction as “intellectual history” makes it necessary to create a complete, coherent concept of intellectual activity that would give clear answers to the following questions: Who are intellectuals? Thanks to what and how are they united into special collective unities? What are the main sociological and cultural characteristics of intellectual communities? The study examines the definition of intellectuals given by the recognized specialist in intellectual history R. Collins, and identifies the directions in which it needs further clarification and development. The above issues are solved by the author within the model he proposes for the formation of intellectual communities through the participation of their members in systematic and organized production of the new rational knowledge. The three conceptual foundations of the study’s proposed approach are: the

theory of communicative action of J. Habermas; the theory of intellectual networks and interactive rituals by R. Collins; the procedural theory of rationality developed in the author's previous works. In the final part of the paper intellectuals are treated as a special social group characterized from the point of view of the sociological canon presented by P.A. Sorokin in his “System of Sociology”. The grouping of intellectuals is elementary, different from other elementary groupings, such as professional, state, etc., not reducible to them and capable of cumulating with them into complex social unities.

Keywords: Intellectuals, Intellectual History, Rational Knowledge, Procedural Theory of Rationality, Broadly Understood Principle of Sufficient Reason.

Information about the author: Nikolay N. Gubanov — DSc in Philosophy, Associate Professor, Finance University under the Government of the Russian Federation, Leningradsky Ave., 49, 125299 Moscow, Russia. Bauman Moscow State Technical University, 2nd Bauman St., 5/1, 105 005 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6044-3936>

E-mail: gubanovnn@mail.ru

Received: February 21, 2024

Approved after reviewing: June 1, 2024

Date of publication: December 29, 2024

For citation: Gubanov, N.N. “Philosophical and Cultural Study on Intellectuals.” *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 74, 2024, pp. 9–21. (In Russ.)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-74-9-21>

References

- 1 Gubanov, N.I., Gubanov, N.N. “Problema prakticheskogo diskursa: obosnovanie moral'nykh norm” [“The Issue of Practical Discourse: Renewal of Moral Norms”]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 62, 2021, pp. 129–142. (In Russ.) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-62-129-142>
- 2 Gubanov, N.N., Gubanov, N.I. “Istoriia nauchnykh idei skvoz' prizmu idei filosofskikh” [“History of Scientific Ideas Through the Prism of Philosophical Ideas”]. *Dialog so vremenem*, no. 76, 2021, pp. 5–19. (In Russ.) <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.76.76.026>
- 3 Gubanov, N.N., Gubanov, N.I. “Model' vyzova Apollona kak sredstvo izucheniia intellektual'noi istorii” [“The Apollo Challenge Model as a Means of Studying Intellectual History”]. *Dialog so vremenem*, no. 81, 2022, pp. 49–66. (In Russ.)
- 4 Gubanov, N.N., Gubanov, N.I. “Obrazovanie kak nesushchaia struktura obshchestva znaniia” [“Education as a Supporting Structure of the Knowledge Society”]. *Alma Mater (Vestnik vysshei shkoly)*, no. 10, 2022, pp. 30–38. (In Russ.) <https://doi.org/10.20339/AM.10-22.030>
- 5 Gubanov, N.N. “Lektsiia kak sredstvo transliatsii kul'turnogo kapitala i vosproizvodstva intellektual'noi elity” [“Lecture as a Means of Translating Cultural Capital and Reproduction of Intellectual Elite”]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 69, 2023, pp. 24–36. (In Russ.) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-69-24-36>
- 6 Zvereva, G.I. “Intellektual'naia istoriia v sovremennoi Rossii: instituty i napravleniia” [“Intellectual History in Modern Russia: Institutions and Directions”]. *Prepodavatel' XXI vek*, no. 4-2, 2018, pp. 288–302. (In Russ.)

- 7 Ivin, A.A. *Teoriia argumentatsii* [*Theory of Argumentation*]. Moscow, Gardariki Publ., 2000. 416 p. (In Russ.)
- 8 Collins, R. *Sotsiologiya filosofii: global'naia teoriia intellektual'nogo izmeneniia* [*The Sociology of Philosophies: A Global Theory of Intellectual Change*], trans. from English by N.S. Rozov, Yu.B. Vertgeym. Novosibirsk, Sibirskii khronograf Publ., 2002. 1280 p. (In Russ.)
- 9 Lebedev, S.A. *Filosofia i metodologiya nauki: aktual'nye problem* [*Philosophy and Methodology of Science: Current Issues*]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Publ., 2024. 575 p. (In Russ.)
- 10 Sorokin, P.A. *Sistema sotsiologii* [*System of Sociology*]. Moscow, Nauka Publ., 1993. Vol. 1. Sotsial'naia analitika: Uchenie o stroenii prosteishego (rodovogo) sotsial'nogo iavleniia [Social Analytics: The Doctrine of the Structure of the Simplest (Generic) Social Phenomenon]. 447 p. Vol. 2. Sotsial'naia analitika: Uchenie o stroenii slozhnykh sotsial'nykh agregatov [Social Analytics: The Study of the Structure of Complex Social Aggregates]. 688 p. (In Russ.)
- 11 Habermas, Jü. *Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deistvie* [*Moral Consciousness and Communicative Action*], trans. from German by D.V. Skliadneva. St. Petersburg, Nauka Publ., 2001. 382 p. (In Russ.)
- 12 Paavola, S., Lipponen, L., Hakkarainen, K. "Models of Innovative Knowledge Communities." *Review of Educational Research*, vol. 74, no. 4, 2004, pp. 557–576. (In English)